

ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ ГЕНЕРАЛАМИ М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВЫМ, А. А. ТЕР-ГУКАСОВЫМ И Б. М. ШЕЛКОВНИКОВЫМ

В русско-турецкой войне 1877–1878 гг. заметную роль сыграли военачальники-армяне, находившиеся на службе в русской армии под начальством М. Т. Лорис-Меликова в составе Кавказского действующего корпуса на Кавказско-турецком фронте. Среди них можно выделить генералов И. Д. Лазарева, А. А. Тер-Гукасова, Я. К. Алхазова, Б. М. Шелковникова, И. Е. Лорис-Меликова, С. Кишмишева, которые командовали корпусами, бригадами, отрядами, обходными колоннами. В Кавказской армии служили также генералы И. Л. Меликов, А. А. Ходжаминасов, Д. Б. Тер-Асатуров, А. Сагинов, И. Н. Агаев и другие.

О весомости вклада армян-военачальников свидетельствует тот факт, что из шести дважды награжденных во время этой войны орденом св. Георгия четверо – М. Т. Лорис-Меликов, И. Д. Лазарев, Я. К. Алхазов и А. А. Тер-Гукасов были армяне. За взятие Карса М. Т. Лорис-Меликову наряду с орденами был пожалован графский титул. Со многими из военачальников-армян М. Т. Лорис-Меликов находился в дружеских отношениях, вел переписку как по служебным, так и по личным вопросам.

Ниже публикуется переписка М. Т. Лорис-Меликова с А. А. Тер-Гукасовым и Б. Шелковниковым в первый год войны. Исключение составляют документы №№ 4, 5, 8, 16, которые дополняют общее содержание публикации.

Арзас Артемьевич Тер-Гукасов родился в 1819 г. в Тифлисской губернии в семье священника. Военное образование получил в Институте корпуса инженеров путей сообщения. В 1838 г. начал службу в дирекции окрестных Петербургских дорог, в 1841 г. был переведен в Управление военных сообщений Кавказского военного округа. С 1848 по 1874 г. служил в Апшеронском пехотном полку, был его командиром при взятии Гуниба и пленении Шамиля, позже начальником 38-й пехотной дивизии в чине генерал-майора. В 1877-1878 гг. генерал-лейтенант А. Тер-Гукасов был начальником Эриванского отряда. Затем командовал Кавказской гренадерской дивизией, Закаспийским военным округом, 2-м Кавказским армейским корпусом. Награжден орденами св. Георгия 4-й и 3-й степени, св. Владимира 4-й, 3-ей и 2-ой степени. Главнокомандующий Кавказской армией князь Барятинский писал: "Арзас Артемьевич Тер-Гукасов, не имевший никаких связей, содействующих карьере, чуждый всякого искательства, достиг высокого положения исключительно личными заслугами. Внимательно и заботливо относясь к подчиненным, он был требователен по службе, но еще более строго относился к самому себе. Злословие не могло найти поводов бросить тень на его безупречную жизнь и редкое бескорыстие"¹. А. А. Тер-Гу-

¹ Акты Кавказской археологической комиссии, т. XII, Тифлис, 1904, с. XI.

касов скончался 8 января 1881 г., погребен в Тифлисе в ограде Армянского Ванского собора.

Бегбут Мартиросович Шелковников родился в 1837 г. в Нухе. Воспитывался в первом Московском кадетском корпусе и Николаевской академии Генерального штаба. Военную службу начал на Кавказе в чине поручика артиллерии в экспедициях против горцев в 1855-1860 гг. Затем был офицером Генерального штаба в Варшавском военном округе. С 1865 г. — начальник Закатальского военного округа, с 1875 г. — полковник, начальник Черноморского военного округа. В 1877-1878 гг. участвовал в русско-турецкой войне в чине генерал-майора, был начальником Сухумского и Сигнахского отрядов. С декабря 1877 г. по февраль 1878 г. был военным губернатором Эрзерумской области. Награжден орденами св. Георгия 4-й и 3-й степени, св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Б. М. Шелковников скончался от тифа в феврале 1878 г. в Эрзеруме.

Публикуемые документы хранятся в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), в фонде Михаила Тариеловича Лорис-Меликова — ф. 866, оп. 1. Док. №1 — д. 1; док. №№ 2—16 — д. 74, д. №№ 17—24 — д. 153.

ГРАНТ АВЕТИСЯН

№ 1

Из послужного списка М. Лорис-Меликова

Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов родился в 1825 г. в Тифлисе в армянской дворянской семье. Вероисповедание армяно-григоринское, женат на княжне Нине Ивановне Аргутинской-Долгоруковой, имеет пятерых детей:

Сын Тариел — родился 23 марта 1863 г., сын Захарий — 9 августа 1866 г., дочь Мария — 11 марта 1858 г., дочь Софико — 16 февраля 1862 г., дочь Елизавета — 21 декабря 1872 г. Жена и дети армяно-григоринского вероисповедания.

Имеет в Борчалинском уезде Тифлисской губернии землю с крестьянами, также медно-плавильный завод, два каменных дома в Тифлисе. От государства получил пять тысяч десятин земли в Кубанской области.

Военные звания

Офицер со 2 августа 1845 г.; генерал-майор — 4 августа 1856 г.; генерал-лейтенант — 17 апреля 1863 г.; генерал-адъютант — 30 августа 1865 г.; генерал от кавалерии — 30 августа 1875 г.

Занимаемые должности

С 1847 г. — Офицер по особым поручениям при командующем Кавказской армии, наместнике Кавказа графе Михаиле Семеновиче Воронцове.

2 сентября 1855 г. — 25 июля 1856 г. — Начальник Карсской области.

16 мая 1858 г. — 5 апреля 1860 г. — Начальник войсками в Абхазии и инспектор линейных батальонов в Кутаисском генерал-губернаторстве.

М. Т. Лорис-Меликов

А. А. Тер-Гукасов

Б. М. Шелковников

5 апреля — 17 мая 1860 г. — Полномочный представитель для переговоров с Османским правительством о принятии в Азиатской Турции переселенцев из горцев Терской области.

25 мая 1860 г. — 22 марта 1863 г. — Начальник Южного Дагестана и Дербентский градоначальник.

23 марта 1863 г. — 17 августа 1875 г. — Начальник Терской области и наказной атаман Терских казачьих войск "с личным правом генерал-губернатора по управлению Терской областью".

С февраля 1873 г. — Также вице-президент Владикавказского губернского попечительского комитета.

17 августа 1875 г. — январь 1877 г. — Генерал по особым поручениям при наместнике Кавказа, Главнокомандующем Кавказской армии великом князе Михаиле Николаевиче Романове.

Январь 1877 г. — 12 апреля 1878 г. — Командующий особым действующим корпусом на Кавказско-турецком фронте.

С 24 января 1879 г. — Временный военный губернатор в Самарской, Саратовской и Астраханской губерниях с самыми широкими полномочиями.

С февраля 1879 г. — Член Государственного Совета.

С 7 апреля 1879 г. — Начальник войсками Харьковского военного округа и временный генерал-губернатор Харьковской губернии.

С 6 августа 1880 г. — Министр внутренних дел Российской империи.

С 20 августа 1880 г. — Также шеф Сунжинского кубанского казачьего полка.

С 30 августа 1880 г. — Также начальник "Верховной распорядительной комиссии по борьбе с крамолом в империи", с диктаторскими полномочиями.

Награды

1848 г. — Орден Святой Анны 4-ой степени, с надписью "За храбрость"

1850 г. — Орден Святой Анны 3-ей степени, с бантами

1852 г. — Орден Святой Анны 2-ой степени, с бантами, чин подполковника

1854 г. — Золотая сабля с надписью "За храбрость"

1854 г. — Орден Святого Владимира 4-ой степени, с бантом

1855 г. — Орден Святого Владимира 3-ей степени

1857 г. — Орден Турецкого медреса

1859 г. — Орден Святого Станислава 1-ой степени

1860 г. — Орден Святой Анны 1-ой степени, с мечами

1861 г. — Орден Святого Владимира 2-ой степени, с мечами

1862 г. — Золотое оружие

30 июля 1864 г. — Крест по случаю завершения Кавказской войны

1864 г. — Персидский орден Льва и Солнца 2-ой степени с алмазами

1865 г. — Орден Белого орла

1869 г. — Орден Великого князя Александра Невского

1871 г. — Орден Святого благоверного Великого князя Александра Невского с бриллиантами

Май 1877 г. — Орден Святого Георгия 3-ей степени

Октябрь 1877 г. — Орден Святого Георгия 2-ой степени

Ноябрь 1877 г. — Орден Святого Владимира 1-ой степени

16 апреля 1878 г. — Титул графа

1878 г. — Черно-бронзовая медаль

Август 1880 г. — Орден Андрея Первозванного

Май 1881 г. — Уволен в запас, с оставлением в должности члена Государственного Совета

С 1883 г. было назначено пособие в 26000 рублей, в 1884 г. был награжден знаком отличия за 40-летие безупречной офицерской службы. В списках генералитета Российской армии числился до 12 декабря 1888 г. Скончался в Ницце, похоронен в Тифлисе на армянском кладбище.

№ 2

А. Тер-Гукасов – М. Лорис-Меликову

16 мая 1877 г., № 38

На письмо Вашего высокопревосходительства от 13 сего мая № 44 имею честь доложить, что по моему мнению, изложенное в означенном письме предположение Ваше касательно общности действий вверенного мне отряда с главными силами корпуса на Пассенскую равнину весьма полезно для достижения непосредственных целей, т.е. для изолирования Карса и рассеяния находящегося за Соганлугом неприятельского корпуса. Однако для успеха этих совокупных действий необходимо выполнение некоторых условий, вызываемых обстоятельствами, в которых находится вверенный мне отряд.

I. Из предыдущих моих телеграмм Вам уже известно, что против моего фронта расположены в Каракилисе и его окрестностях до 12 батальонов при 10 или 12 орудиях, а Баязету угрожает Ванский отряд (9 батальонов и скопища башибузуков), пока расположенный у Баязет-дага. Первоначально покушения со стороны Вана имели вид предприятий куртинских (курдских. — Г. А.) племен, безопасных даже для небольших регулярных частей, поэтому движение отряда кн. Амилахварова имело целью рассеянием скопищ надолго положить предел всяким попыткам курдов. Однако после этих поисков сведения, почерпаемые из самых разнообразных источников, а также образование Ванского вилайета для сосредоточения всех средств этой отдаленной от Арзерума местности, по-видимому для достижения общих целей путем самостоятельным, заставляют думать, что попытка со стороны Вана есть результат систематических усилий в строгой связи с действиями других неприятельских отрядов. Угрожая постоянно Баязету и отступая при всяких наших усиленных поисках за Алла-даг, неприятель имеет целью или овладеть Баязетом, наводнить беззащитную Эриванскую губернию скопищами курдов, поддерживаемых регулярными войсками, если вверенный мне отряд значительно удалится, или держать последний в бездействии, если я, в предупреждении помянутых последствий, не решусь на дальнейшее наступление. Обстоятельство это вызывает необходимость оставить у Баязета около 3-х или даже 4-х батальонов при батарее, дабы отряд мог, несмотря на отдаленность Эриванского отряда, действовать не только для защиты непосредственно Баязета, но и для активной обороны всей восточной части Баязетского санджака.

II. Что же касается неприятельских сил, расположенных перед фронтом, у Каракилиса, то влияние их на дальнейшее наступление отряда может быть различно, смотря по обстоятельствам и по направлениям противника. Турецкий лагерь укреплен у Каракилиса, сколько из-

вестно, тщательно и все показывает намерение его упорно там обороняться, но намерение это, вероятно, обнаруживаемое им лишь в видах поддержания духа войск и для престижа населения, быть может внезапно изменится со скорым появлением Эриванского отряда перед каракилисскими укреплениями, как это уже было с баязетским гарнизоном.

Неприятель может отступить из Каракилиса по двум направлениям:

1. Вниз по Евфрату, усилив собой Ванский отряд (через Муш) или Арзерумский корпус (через Хныс), или остаться близ Хамура, дабы постоянно угрожать тылу вверенного мне отряда при его дальнейшем наступлении на Дали-Баба.

2. Отступление возможно и назад на Алашкерт, Зейдекян и Дали Баба через горный проход Кара-Дербент. Если неприятель примет сражение у Каракилиса и будет рассеян, то препятствий к немедленному дальнейшему наступлению не представится, кроме упомянутых выше покушений, которые, как объяснено выше, могут быть парализованы усилением Баязетского гарнизона, но если, что более вероятно, особенно при слишком раннем появлении у Армутлю или на Алашкертской равнине частей войск главных сил из-под Карса в тыл ему, каракилисский отряд заблаговременно отступит вниз по Евфрату для постоянных покушений на тыл вверенного мне отряда, то этот последний должен будет вновь отделить значительную часть войск для прочного занятия Каракилиса и преграждения пути неприятелю из Хамусской теснины Евфрата. Поэтому при успешной атаке каракилисской позиции вверенный мне отряд должен быть для дальнейшего наступления подкреплён 4-мя батальонами, 8-ю или 12-ю орудиями, а если наступление его будет произведено по заблаговременному отступлении каракилисского турецкого отряда в ущелье Евфрата, то подкрепление необходимо довести до 8-ми батальонов с соответствующей артиллерией.

Эти общие соображения требуют тщательного согласования движения вверенного мне отряда к Каракилису и тех войск, которые Вы признаете полезным направить на Армутлю; но теперь к этим расчетам приступить еще не могу, ибо в отряде осталось провината (в сухарях) лишь на два дня, а о новых транспортах, об отправлении которых из Эривани сделано распоряжение, сведений не имеется. Немедленно по прибытии этих транспортов, я донесу Вашему высокопревосходительству заблаговременно о движении отряда к Каракилису, а равно, в какой степени представится возможность снабдить часть главных сил из заготовлений, делаемых в Эривани.

А. Тер-Гукасов

№ 3

М. Лорис-Меликов — А. Тер-Гукасову

19 мая 1877 г.

Сегодня в 5 часов пополудни получил я два письма Ваших от 16-го мая, одно за № 38.

В этом последнем письме Ваше превосходительство сообщает подробности о нахождении двух турецких отрядов в Каракилисе и Ване, из коих последний имеет целью, в случае дальнейшего вашего наступления, угрожать тылу, овладеть Баязетом и затем вторгнуться со своею кавалериею в пределы Эриванской губернии. Дабы воспрепятствовать этому намерению турок и получить вместе с тем возможность атаковать неприятеля в каракилисской позиции, Вы признаете необходимым усилить гарнизоном Баязет, а также отряд, сосредоточенный ныне в Сурп-Оганесе новыми силами от 4-х до 8-ми батальонов с соответствующею артиллерию сообразно с положением дел у турок.

Из неоднократных моих донесений Его высочеству главнокомандующему Кавказскою армиею близко известно, что наличных сил, состоящих ныне во всех отрядах вверенного мне корпуса, весьма недостаточно без открытия энергических наступательных действий одновременно по всей нашей линии.

Великий князь уже дважды писал в Петербург, к сожалению получил уведомление, что Кавказской армии нельзя из России рассчитывать на новое усиление войск одною или двумя дивизиями. Что же касается мобилизуемых частей нашей армии и прибытия их в район действующего корпуса, то таковые, как сообщают мне, не могут прибыть сюда ранее половины июня. Замедление это произошло вследствие напряженного положения дел в Терской области. Вообще для полного ознакомления Вашего с этим вопросом прилагаю при сем копию письма ко мне Его высочества от 11 сего мая.

За сим подлежит рассмотрению вопрос: представляется ли возможность усилить ныне же вверенный Вам отряд войсками от главных сил, расположенных в настоящее время двумя колоннами по северной и южной сторон Карса, овладение которыми бесспорно составляет предмет главной нашей задачи. Колонны эти состоят из 14 батальонов каждая. Северная Заимская имеет назначением приступить через несколько дней к осаде Карса, Южная же, расположенная ныне у Ардоста, одновременно должна с началом осады усиленно демонстрировать с южной и западной стороны Карса и вместе с этим быть вполне готовой выйти на встречу муширу Мухтару-паше, если б сей последний вздумал спуститься с Соганлуга, с сосредоточенными там 19 батальонами и

кавалериию, для выручки Карсского гарнизона и понуждении нас снять осаду крепости.

Роль обеих названных колонн настолько серьезна, что вызывает настоящее желание не только ослабить их, но даже усилить при какой-либо возможности хотя бы 3-мя или 4-мя батальонами.

В виду такого положения дел является необходимость воздержаться от одновременных и энергических действий на Карсском плоскогорье и в долине Евфрата, если только Ваше превосходительство, по ближайшему усмотрению на месте, признаете рискованным атаковать неприятеля в каракилисской его позиции с имеющимися ныне у Вас силами. Такое выжидательное положение Ваше, предполагать надо, не может продлиться дольше 2-х, 3-х недель и если бы за это время Бог помог нам овладеть Карсом, то тогда для дальнейшего совокупного действия и наступления нашего от Соганлуга и Алашкерта, отряд Ваш может быть усилен не менее как 10 батальонами.

В этот же выжидательный период Вам необходимо будет зорко следить за турецким отрядом, находящимся ныне в Каракилисе, и если бы Мухтар паша пожелал усилить себя этими войсками для перехода в наступление на каракилисскую плоскость, то Вам необходимо принять все меры к воспрепятствованию этого намерения и, в случае выступления каракилисского отряда, следует настичнуть его и разбить, до соединения его с Мухтаром. Вот все, что я могу сообщить Вам по поводу письма Вашего за № 38.

22-го числа сего месяца ожидаю прибытия в Заим Его высочества, главнокомандующего и тогда не премину доложить Великому князю как письмо Ваше, так и содержание настоящего ответа моего.

Крайне огорчило меня уведомление Ваше о плохом и неудовлетворительном составе интендантских чиновников, неумелые распоряжения которых столь вредно отзываются как на военных операциях Ваших, так и на санитарном состоянии войск. Чтобы помочь этому горю представляется лишь одно средство, к которому я вынужден был прибегнуть и здесь, а именно, распоряжаться своею властью на основании переданного мною Вам права и в виду исключительности положения дел. Пользуясь этим правом Вам возможно приказать нанять по вольным ценам и минуя интендантских чиновников потребное число перевозочных средств, как у заграничных жителей, так и в Эриванской губернии, для немедленной доставки войскам сухарей, крупы и прочих войсковых потребностей. Если бы я не прибег к этой мере под Ардаганом, представив затем на утверждение главнокомандующего, то войска попали бы в безвыходное положение, так как для 17 батальонов я нашел только всего 250 четвертей сухарей.

Генерал-адъютант *Лорис-Меликов*

№ 4

М. Лорис-Меликов — генерал-майору Павлову

19 мая 1877 г.

Считаю нужным препроводить к Вам при сем копию с письма моего к генерал-лейтенанту Тер-Гукасову, из коего видны цели, имевшиеся мною в виду при движении, в которое я сейчас выступаю. Присовокупляю, что письмо отправлено до получения указания от Его императорского высочества ограничиться действиями под Карсом, и что пока ответа от генерал-лейтенанта Тер-Гукасова я не имею.

Генерал-адъютант *Лорис-Меликов*

№ 5

М. Лорис-Меликов — великому князю Михаилу Николаевичу Романову

24 мая 1877 г.

Прибыл в лагерь колонны генерала Деваля, получил следующую депешу генерала Тер-Гукасова из Каракилисы от 23 мая. Войска Эриванского отряда заняли город Каракилису и находящуюся при нем укрепленную позицию, оставленную накануне без боя. По единогласному заявлению жителей регулярные турецкие войска отступили за Зейдекан, а иррациональные возвратились по домам (25 мая, лагерь при с. Мазра).

Генерал-адъютант *Лорис-Меликов*

№ 6

А. Тер-Гукасов — М. Лорис-Меликову

29 мая 1877 г., № 2485

Сегодня главные силы вверенного мне отряда заняли сел. Зейдекан, где найдены не приведенные еще в точную известность запасы пшеницы и муки, а также столярная мастерская турецких войск, со значительным количеством шанцевого инструмента, разных вещей для производства фортификационных работ, а железо и дерево в материале. Отступление неприятеля было так неожиданно и быстро, что ими не взяты были даже инструменты этой мастерской.

По показанию жителей, неприятельские войска остановились у с. Дали-Баба.

Генерал-лейтенант *Тер-Гукасов*

№ 7

М. Лорис-Меликов – А. Тер-Гукасову

30 мая 1877 г.

Если что-либо не помешает, с рассвета 1 июня начнется бомбардирование Карса, продолжится несколько дней. Предлагается Вам немедленно энергически проводить активную демонстрацию неприятеля, сосредоточенного на Соганлуге, дабы воспрепятствовать ему спуститься на выручку Карса. В виду крайней важности дела не стесняйтесь могущими быть потерями.

Генерал-адъютант *Лорис-Меликов*

№ 8

Эриванский губернатор *Рославлев* – М. Лорис-Меликову

31 мая 1877 г., № 685

Турки Ванского отряда – 20 000 пехоты, 5000 кавалерии, 9 полевых, 3 горных орудия решили взять блокадою Баязет и напасть на Сурмалинский уезд, турецкая пехота отстоит на 70 верст от Баязета. Эриванскому отряду в Торту-Кале все известно. Командующий войсками в Баязетском военном округе. В округе покойно. Об изложенном телеграфирует мне подполковник Пацевич, просит принять меры. Генерал Кольбалихан в Игдыре. Полковник Преображенский из Нахичевана сообщил им об изложенном, спешу довести до Вашего сведения, считая уведомления, что приказано будет мне предпринять.

Губернатор *Рославлев*

№ 9

А. Тер-Гукасов – М. Лорис-Меликову

31 мая 1877 г., № 232

Из Баязета

Алашкерт. 28 мая. Сегодня я занял Алашкерт, а частью авангарда – Зейдекан. Здоровье войск вполне удовлетворительное.

Тер-Гукасов

№ 10

М. Лорис-Меликов – А. Тер-Гукасову

1 июня 1877 г.

Особые обстоятельства заставили отложить действия на Карс на два дня. В виду сообщенною мною Вам шифрованной депеше относительно демонстрации и полученного ныне через генерала Рославлева сведения о движении будто бы турок со стороны Вана на Баязет, прошу уведомить, что предпринимаете и в какой мере справедливо уведомление Рославлева.

Лорис-Меликов

№ 11

М. Лорис-Меликов – А. Тер-Гукасову

4 июня 1877 г.

Устройство осадных батарей и вылазки Карсского гарнизона замедлили открытие общего бомбардирования; при этом в виду часто получаемых в последние дни сведений об усилении Мухтара пехотою и кавалериею и намерения его предпринять движение из Зивина, решено действовать артиллериею по Карсу лишь со стороны Мещры, освободить колонну генерала Геймана – 18 батальонов с дивизиею кавалерии, стоящую близ Когалы, от осадной артиллерии, дабы отряд этот мог немедленно двинуться, куда укажет надобность – на Соганлуг, к стороне Чаблохлы и дальше, или же на Гечеван, Кала-баши, Армутлю, чтобы, в случае надобности, сблизиться с Вами, сообщите Ваши соображения, относительно движения на Армутлю. Если бы Вы могли прочно утвер-

даться на какой-либо позиции, то движение наше, не будучи отвлечено к Армутлю, могло бы быть более согласовано с действиями под Карсом.

Лорис-Меликов

№ 12

М. Лорис-Меликов — А. Тер-Гукасову

4 июня 1877 г.

После исполнения под Карсом нескольких подробных рекогносцировок Его высочество изволил указать: не предпринимать, в опасении громадных потерь, меры для быстрого овладения сею крепостью бомбардированием и за ним штурмом (по примеру Ардагана), а заняться постепенным развитием осадных батарей. Для исполнения сего последнего назначено 14 батальонов 39 дивизий с осадною, полевой артиллериею и кавалериею, под начальством генерал-лейтенанта Деваля, которые уже и приступили к действиям.

В то же время дивизии гренадерская и 2-я сводная кавалерийская с их артиллериею и несколькими конно-иррегулярными полками, под начальством генерал-лейтенанта Геймана назначены для движения на Соганлуг, как для воспрепятствования войскам турецкого мяуширя спуститься с Соганлуга на выручку Карса и, если можно рассеять их, так и для занятия возможно большего пространства неприятельской территории. При отряде генерал-лейтенанта Геймана в движении будет находиться Его высочество главнокомандующий и я.

Движение и действия отряда генерал-лейтенанта Геймана тесно связаны с движением и действиями Вашими.

Я с нетерпением ожидаю известий о том, что именно вы предприняли вследствие предложения моего производить энергическую агивную демонстрацию и как повлияли Ваши действия на неприятеля, сосредоточивающегося на Соганлуг.

Если бы совокупными действиями отрядов генерала Геймана и Вашим удалось нам прочно водвориться в долине Пассена, и, оставив там в хорошо избранной и укрепленной позиции известную часть войск, привлечь снова остальную часть под Карс где, надо ожидать, к тому времени осадная артиллерия уже успеет подготовить многое, то может быть Бог поможет нам овладеть Карсом со сравнительно небольшими потерями и скопищами утвердить занятый край за нами. Предстоит решить, каковы должны быть совокупные действия упомянутых двух отрядов. По сему то последнему предмету я и прошу Вас сообщить мне Ваше мнение.

Находите ли Вы необходимым, чтобы отряд генерала Геймана с самого начала движения придерживался к стороне района Ваших дейст-

вий, т.е. избрал бы свой путь чрез сел. Гечеван, Кала-баши, Армутлю, Каракилиса, Хорасан и как в таком случае полагали бы Вы действовать? Или Вы считаете себя достаточно обеспеченным (особенно если изберете хорошую укрепленную позицию), для того чтобы предоставить генералу Гейману полную свободу действий, соответственно тому, какое положение примет неприятель и что окажется выгодно для отступления какой бы то ни было поддержки Карсскому гарнизону?

Выступление отряда генерала Геймана из сел. Аравартана и Когалы, где он ныне находится, последует вероятно около 7 июня. Я не оставляю тотчас сообщить Вам об этом и буду затем непрестанно давать Вам знать о всех наших предприятиях, прося и вас в свою очередь делать то же возможно чаще и подробнее.

Лорис-Меликов

№ 13

А. Тер-Гукасов — М. Лорис-Меликову

7 июня 1877 г., № 39

Получив сегодня письмо Вашего высокопревосходительства от 4 июня и телеграмму от того же числа касательно предполагаемых действий против мушира, имею честь доложить, что по моему мнению, движение генерал-лейтенанта Геймана чрез Чаплахлы к Зивину наиболее отвечает как цели атаки турецкого корпуса, так и условиям действительнейшей охраны войск наших, остающихся под Карсом. Наибольшую выгоду оно представит в том случае, если будет приведено к окончанию одновременно или несколько позже сильных демонстраций вверенного мне отряда от Дали-Бабы.

После поражения Ферика-Магомет паши на Дагарском перевале я не имел возможности немедленно занять Кара-Дербент по чрезмерному утомлению прохода и по недостатку единства и быстроты преследовать кавалерией разбитого неприятеля в этой горной местности.

Таким образом для демонстрации со стороны Дали-Бабы, при необходимости занять Кара-Дербент, весьма важно возможно строго согласовать мои действия с движениями генерал-лейтенанта Геймана и потому безотлагательное уведомление меня как о дне выступления колонны генерала Геймана, так и о времени, хотя приблизительно, необходимом для исполнения этого движения представляется для успеха дела условием первоначальной важности.

Генерал-лейтенант *Тер-Гукасов*

№ 14

А. Тер-Гукасов — М. Лорис-Меликову

11 июня 1877 г.

Посылаю особыми нарочными копии с депеши моих от 4, 6 и 9 июня о победах, одержанных 4 и 9 чисел. Испрашиваю награды войскам. Депеши эти, особенно две первые, направленные через Баязет, вероятно до Вас не дошли по случаю перерыва телеграфной линии. Обе победы стоили почти шестисот убитых, раненных, комплекта патронов, зарядов тех и других осталось по одному комплекту, парки почти пусты. Я просил об отправлении из Игдыра пополнение парков, но губернатор не решился удалить предназначенные для конвоя роты. Большое число раненных крайне стесняют движение отряда. Теперь отряд стоит в семнадцати верстах от Кара-Дербента. Прошу настойчиво атаковать Мухтара, иначе он обратится против моего отряда, который этим будет поставлен в критическое положение. По донесению Сурб-Оганеского воинского начальника Баязет обложен неприятелем.

Тер-Гукасов

№ 15

А. Тер-Гукасов — М. Лорис-Меликову

13 июня 1877 г., № 189

Бивак у Багара. 1 июня 1877 года в 4 часа утра неприятель, значительно подкрепленный, атаковал вчера отряд, бой продолжался до глубокой темноты, неприятель был отбит со всех пунктов позиции, сегодня бой вероятно возобновится, прошу о скорейшем наступлении генерала Геймана и о присылке подкрепления.

Тер-Гукасов

№ 16

М. Лорис-Меликов — великому князю Михаилу Николаевичу

*10 августа 1877 г.
из Кара-Дербента*

Из доклада Комарова, отряд которого сегодня прибыл в Наргет, усматривается возможность удержать его здесь дней 8 или 10. Прикажете ли, Ваше высочество, и за сим ограничиваться главным силам оборо-

нительными действиями, ожидая результатов наступления Тер-Гукасова или богоугодно будет повелеть отложить отправление в Кульпы 5 батальонов, дабы не упустить возможности приступить к решительным действиям здесь в непродолжительном времени. Во всяком случае, упомянутые 5 батальонов не могут выступить из сел. Кигач раньше завтрашнего 12-го августа, после доставления им провианта. Ожидаю приказаний.

Генерал-адъютант *Лорис-Меликов*

№ 17

Б. Шелковников – М. Лорис-Меликову

4 июля 1877 г.

Туапсе

Глубокоуважаемый Михаил Тариелович!

Богу удобно было, чтобы событие первостепенной важности и первое в начавшейся войне, событие, столь же подавляющее для врагов и внешних и внутренних, сколько и приводящее в изумление и бесконечный восторг всю Россию и Ваших почитателей было совершено военачальником армянином. Слава Вам, краса своей нации и да сохранит Вас Бог на радость друзей и для славы Отечества и беспримерной нашей армии, когда во главе ее стоит полководец достойный!

Простите, что своевременно не выразил Вам своего глубокого восторга и сочувствия, пропадал в трущобах Сочинского отряда, слишком поздно узнал об Ардаганском штурме и потому решил не телеграфировать, а написать эти строки. Но я не допускаю, чтобы Вы хоть одну минуту усомнились в беспредельной преданности человека, который в настоящее время один из почтительнейших смертных!

Да, я томлюсь здесь как в железной клетке и не вижу конца мукам. Черноморский округ как театр войны совершенно побочный, второстепенный, заброшен всеми и во всех отношениях. Слишком было бы утомительно для Вас читать повествование о положении здешних дел и борьбе, которую приходится вести со всеми волей неволей да Вам и не до них теперь. Скажу коротко – и врагу своему не желаю того положения, которое совершенно случайно создалось для меня. Береговое 400-верстное протяжение, перерезанное непроходимыми горами, лесами, реками, в дефилеях которых ютится жиденькое население края, подлежащее охране моей, и затем море с турецкими броненосцами! Я просил 6 батальонов пехоты, с которыми принимал на себя охрану края. Мне дали сначала два батальона пластун /по 500 человек в батальоне/, а затем прибавили еще два, но каких: в лохмотьях, с ударны-

ми ружьями и с 38 патронами на человека, хранящихся в карманах, за пазухой по неимению патронташей! И так по всем частям. В батальонах ни одного доктора, урядники командуют сотнями. Вот с какими силами приходится бороться с неприятелем, вооруженным берданками и 11-ти дюймовыми орудиями! Характер войны здесь таков, что каждому сотнику приходится действовать самостоятельно, без возможности контролировать его и это на 400 верст, строго говоря, непроходимого пространства. Князь Александр Аргутинский, которого Вы, конечно, знаете, самый мудрейший из всех моих воевод. Можете же судить, как мне приходится. Пробовал было, как говорится, бросаться всюду, чтобы быть везде; но это составляет задачу, превышающую человеческие силы. После Гудаутского десанта, боясь за Сочи и Адлер, я проскакал 260 верст и прибыл из Новороссийска в Сочи на 3-й день до заката солнца, но я тут же убедился, что подобные экскурсии можно совершать один раз: здесь верста стоит добрых 5-10 верст в других местах.

Сочи я укрепил, устроил все, снабдив инструкциями. В Туапсе сделал то же самое и вчера окончил все работы, сделавшие, на мой взгляд, невозможным производство десанта в этой местности. Теперь рассчитываю вернуться в Новороссийск, откуда я выехал ровно месяц тому назад. Приведу в порядок и тамошние дела и тогда не знаю, что и предприму.

Оставаться в такой пассивной роли я не только не желаю, но и не могу, не в моей натуре пассивная оборона. Да опять, я чистокровный азиатец, а значит, и достаточно честолюбив. Видеть, как все идут вперед быстрыми шагами, а самому сидеть на месте неподвижно, не зирая на то, что роль и моя, и всех здешних войск наиболее трудная и неблагодарная — превыше сил моих. Я знаю, что Его высочество мною доволен, он даже недавно телеграфировал Кармалану "Шелковников молодец" и пр. Но что же из этого? И неужели дожить до того, чтобы пришлось делать под козырек Петьке Семенову или ему подобным? Никогда!

Я здесь делаю свое дело честно, самоотверженно, это мой долг, которой плачу России за то, что она сделала меня человеком. Но моя работа не видная: ее оценить и понять может тот, кто видит и испытывает все здесь сам непосредственно. За нее в войне, требующей событий трескучих, не награждают. Я и в претензии не могу быть, но и терпеть, чтобы все несло мимо меня — выше моих сил, которые напрасно просят на простор...

Но кончаю, жребий брошен и после войны деревня примет меня в свои объятия навсегда!

Еще одно слово. Вы теперь, Михаил Тариелович, в славе и в силе, ожидает Вас еще большее, о чем молю Бога горячо, в виду этого сделайте отчасти то, что делают все — немцы, поляки, грузины и пр., и выдвиньте нескольких достойных армян. За это никто не посмеет Вас осудить, да, наконец, не боятся же другие осуждения! Дерзко, что я осме-

ливаюсь выразить подобное желание. Согласен. Но я имею одно перед Вами оправдание: я Вас люблю горячо, почитаю глубоко, поклоняюсь Вашим разнообразным талантам и широкому уму низко !

Судите и осудите, если можете!
Вашего покорного на всю жизнь слугу
Б. Шелковникова

№ 18

Б. Шелковников – М. Лорис-Меликову

*6 сентября 1877 г.
Тифлис*

Ваше превосходительство, Михаил Тариелович!

Прошу простить меня великодушно за позднее исполнение приказа-ния Вашего сообщить Вам все, что здесь произойдет.

Хотя начальнику штаба я и являлся 2го числа, но с ген. Старосельским мог объясниться при вторичном только свидании в Согурали, откуда я вернулся только в пятницу. Вот причина моей неисполнительности, которая, боюсь, дурно зарекомендует меня в глазах Вашего превосходительства на первых же порах.

Генерал Свистунов принял меня, как мне показалось, с несколько натянутою любезностью и кроме нескольких незначительных вопросов о предметах, совершенно посторонних, спросил меня, чем разрешился вопрос о назначении к Вашему превосходительству начальника штаба. После ответа моего, что об этом Вами не было говорено ничего положительного, он повел речь о моей кандидатуре.

Полагаю, что Вашему превосходительству интересно узнать подлинные выражения ген. Свистунова и, как я хорошо их запомнил, то приведу их здесь в точности.

“Михаил Тариелович писал мне об нескольких кандидатах, в числе их и о Вас, но Вы сами знаете, что в списке офицеров Генерального штаба состоите одним из младших подполковников; потому я не мог не выставить этого неудобства Михаилу Тариеловичу в отношении вашего назначения и вместе с тем указал ему на полковника Шаликова, пользующегося хорошою репутацию. Я не говорю о других полковниках – Солотском, гр. Кутайсове и Гурчине, которых, впрочем, легко устранить, но трудно сказать что-либо против Шаликова. Впрочем, я писал обо всем этом как о своем личном мнении, начальники областей до сих пор были вполне самостоятельны в выборе себе начальника штаба, поэтому и в настоящем случае Михаил Тариелович вполне свободен остановиться на Вас”.

После ответа моего, что я чужд желания получить назначение помимо его, начальника штаба, желания и что во всяком случае, если ему почему-либо неприятна моя кандидатура, я готов совершенно отстраниться от назначения, он, Свистунов, сказал: "почему же, нет; я только исполнил долг в отношении старших вас, затем же, как я писал Михаилу Тариеловичу, все зависит от него".

Тут разговор наш прервал полковник Философов, вошедший в кабинет, и я откланялся.

С генералом Старосельским при первом свидании я не мог переговорить обстоятельно: у него было много гостей; при вторичном же объяснении с ним он высказал мне взгляд Свистунова, полагающего при назначении офицеров Генерального штаба придерживаться старшинства.

Хотя Старосельский и не разделяет этого взгляда, но видно он не особенно уговаривал Свистунова согласиться на мое назначение, что может быть отнесено и к тому, что он почти и не видал его после получения письма Вашего превосходительства обо мне.

Я не мог вполне вникнуть в желания и мысли Старосельского, но думаю, что совершенная неправда то, что писал Свистунов обо мне. Я видел официальную переписку, хотя и секретную, о делах Закатальских, во всех бумагах к начальнику Дагестанской области, к великому князю я так выставлен, что я сам не написал бы себе никогда подобных реляций; говоря короче, служащий человек не может иметь лучшей репутации. Значит, Свистунов написал на меня клевету, желая только отклонить Ваше превосходительство от выбора меня.

Думаю, что Старосельский желает иметь меня в Терской области, впрочем, что вернее выскажется, когда вы потребуете его во Владикавказ. Во всяком случае верно то, что он вполне настроен исполнять все Ваши желания и как мне показывал, совершенно предан Вашим интересам.

Итак, я думаю, что все будет зависеть от доклада князя Мирского, который по слухам уже в Боржоме. Я был бы совершенно уверен, что доклад его был бы в мою пользу, если бы только он проехал через Владикавказ, на пути из Крыма в Боржом, к сожалению, этого не случилось.

Свистунов на этой неделе едет тоже в Боржом, кажется, он медлит выехать, чтобы не сойтись там с кн. Мирским, так, по крайней мере, думаю.

Интересных новостей здесь нет; видно одно только, что в массе различного рода предположений все сбито с толку. В данную минуту все заняты главным образом наградами 30 августа. Ваше превосходительство может быть недоволен тем, что в ряду поздравительных телеграмм не было ни одной за моею подписью, я от души желаю другого, поздравлять же с тем, чего не могли не дать никоим образом не особенно было радостью для меня.

В заключение долгом считаю высказать Вашему превосходительству, что состоится мое назначение или нет, я навсегда останусь глубоко Вам признательным за сделанную мне Вами честь.

Надеюсь, сумел бы доказать, что достоин Вашего выбора, в противном случае буду молить случая, который представил бы мне возможность доказать, что нухинский армянин умеет быть благодарным.

Свидетельствуя свое глубокое почтение высокоуважаемому семейству Вашему с детьми вместе, имею честь быть Вашего превосходительства навсегда преданнейшим и почтительнейшим слугою

Б. Шелковников

№ 19

М. Лорис-Меликов – Б. Шелковникову

Ноябрь 1877 г.

Две записки Ваши, присланные с дороги, получил 2 и 3 ноября, но по множеству занятий не мог отвечать до сего времени.

Положение наше под Карсом не изменилось и нападение, имевшее быть произведенным в день выезда Вашего, было отменено по просьбе начальников вследствие сильнейшей распутицы. Попытка будет произведена, вероятно, на днях.

Треситну пошлю сообщения с Даве-Бойну через Барбус, я решил окончательно и как только ген. Гейман отправит туда 2 батальона кубинцев, прикажу, что бы все транспорты шли отсюда по этому направлению.

Телеграфные линии и почтовые станции придут также через Барбус...

Вместе с сим пишу ген. Гейману, прося его сообщить мне, намерен ли он и возможно ли расположить боевые отряды на расстоянии от Даве-Бойну к стороне Ольты и на юг.

Желал бы также знать, представится ли возможность зимою тревожить неприятеля к стороне Трапезундского шоссе налетами нашей кавалерии и летучих отрядов или даже частей пехоты.

Положение дел под Карсом, надеюсь, через неделю выяснит настолько, что я получу возможность прибыть хотя бы на время к Вам, но приезде моему прошу Вас, до времени, не давать огласки.

Составленные Вами штаты для областного управления были доложены вчера ген. Павловым Его высочеству. В. К. передал мне, что число чинов для центрального управления определено Вами крайне широко /31 человек / и объявил мне, что оно будет значительно сокращено с тем, однако, что по мере являющейся потребности усиления штатов и нахождения Вами лиц на должности я могу давать разрешения. Что же

касается определенных Вами окладов, то Его высочество приказал также: не уменьшая определенного Вами размера, будут назначены оклады, производимые ныне в Карсской области с тем, что все остальное производится из суммы в распоряжении Его высочества на военные потребности. Таким образом, производству средств в том размере, как Вы желали, препятствий не встретится.

Весьма заинтересуют меня соображения и взгляды Ваши на положение наших дел за Соганлутом и в Алашкертско-Баязетской долине в отношении военном. Есть ли полная уверенность в твердой стоянке нашей там? Представляется ли надежда усыпить на первое время турок бездействием? Отхватить у них Арзерум или же, наконец, имеется ли какая-либо уверенность в успешном овладении этим городом при безотлагательной атаке? Вот вопросы, на которые желал бы очень знать Ваше мнение.

Лорис-Меликов

№ 20

Б. Шелковников — М. Лорис-Меликову

10 ноября 1877 г.

Гасан-Кала

Секретно

Неутешительные сведения могу сообщить Вам, глубокоуважаемый Михаил Тариелович. Не хотелось мне отравлять Вашего радостного настроения вследствие поразительных результатов штурма, но дело не терпит и потому начинаю.

Приехав в Гасан-Кале, я в тот же день осмотрел госпиталь, в казарме нашел до 700 человек, из них до 500 раненых. Герои Дава-Бойну — Азизии были уложены вповалку в различных сараях и пустых застройках так, что у меня волосы стали дыбом... между прочим, больные жаловались на голод, доктор подтвердил, что по недостатку посуды невозможно варить пищу в достаточном количестве...

Конечно, в Гасан-Кале не представляется возможным устроить все как следует, но можно было создать войсковыми средствами массу приспособлений, которые много облегчили бы страдания больных.

На следующий день прибыл в отряд. Гейман (получивший уже бумаги о моем назначении) встретил меня натянуто до невежливости. После первых же слов он стал высказывать свое негодование за оскорбление, которое ему написано положением, созданным для меня. Много нужно было силы воли, чтобы сдерживать себя и не ответить должным образом на неуместные выходки. Я не только утерпел, но даже стал успокаивать его опасения относительно каких-то подкопов под него. Расстались мы лучше, чем встретились.

Гейман выразил настоящее желание, чтобы все дела, кроме чисто гражданских, шли заведенным порядком, без всякого моего вмешательства, впредь до получения ответа Вашего на сделанные мне возражения, чтобы с первого же раза не возникли между нами неудовольствия, я согласился исполнить его желание, чем он остался видимо доволен.

Так что раскаиваюсь в данном согласии, потому что оставаясь на Дава-Бойну, он ничего не делает, а между тем, дела ухудшаются с каждым днем. Но что делать, приходится терпеть.

Довольствие войск просто в высшей степени беспорядочно, некоторое время люди получали на Дава-Бойну вместо печеного хлеба муку и пшеницу в зерне. Так, за 2, 3, 4 числа войско получило только по несколько фунтов муки и пшеницы; голодные люди, не евши несколько дней хлеба, сделали на скорую руку лепешки и поели их полусырыми, равно как и недоваренную пшеницу. По отзыву докторов все это имело большое влияние на степень заболевания в войсках. Сегодня на моих глазах войска опять принимали сухари и хлеб за три минувших уже дня.

Подобный способ довольствия войска без сомнения не может продолжаться долго, иначе мы лишимся лучшей части нашей армии. Вообще, здесь столько рассказов о неумении Геймана водить войско, о полном отсутствии и незаботливости о солдатах, что поражаешься всем.

Дело Дава-Бойну блестящее дело, но оно блестяще собственно до солдат и низших начальников, великолепно выполнивших свои роли. Что касается до самого Геймана, то мне кажется, долг его заключается в умении извлечь всякого рода пользу из достигнутых войсками успехов; но, к сожалению, он оказался ниже своей задачи: все утверждают, что если бы после дела 23-го числа Гейман, не останавливаясь, двинулся бы в Эрзерум, то город был бы занят без выстрелов. Сам Гейман мне рассказывал, что турки, проиграв дело, разбрелись в разные стороны и что Мухтар едва мог собрать и привести в порядок свои войска в течение трех дней. Значит, если бы наши двинулись вперед даже с рассвета 24 числа, то турки не имели бы возможности оказать маломальски упорное сопротивление, особенно под свежим впечатлением только что понесенного поражения.

Итак, бездарность руководителя здешних дел причиною, что теперь приходится ломать голову — как бы одолеть Эрзерум.

Благодаря нераспорядительности на первых порах по занятии края, войска наши дотла разорили все деревни от Гасан-Кала до Дава-Бойну; между тем, эти деревни (до 20-ти) могли оказать громадное подспорье и даже полное обеспечение войсками, которых придется оставить в первой линии. Словом, куда ни кинь взгляд — клин!

Кстати, несколько слов о позиции, укрепляемой Гейманом. Мне она показалась положительно бездельною, скажу больше — опасною: она будет занимаема дежурным полком при 16 орудиях без лошадей; меж-

ду тем, тысячи, лежащие впереди нашего редута к Эрзеруму на близкий пушечный выстрел, командуют нашею позицией и остаются свободными даже от наблюдения. Туркам, расположенным сосредоточенно в городе, ничего не будет стоить сделать ночной переход в 9 верст, кинуться превосходными силами на редут и овладеть им прежде чем подойдет к нему ближайший даже резерв.

Или же они могут выставить беспрепятственно батареи на командующих высотах и с рассветом расстрелять редут.

Такой я составил для себя взгляд из поверхностного осмотра занятой Гейманом позиции. Может, я и ошибаюсь, приедете, сами увидите.

Что мне ответить Вам, Михаил Тариелович, относительно Эрзерума?

Прежде всего, должен сказать, что зимовка для нашего отряда за Соганлугом будет весьма и весьма тяжелая, потери наши от неудовлетворительного довольствия, дурного размещения и прочего будут очень велики, думаю, гораздо больше, чем от самого рискованного штурма.

Между тем, все это существенно видоизменяется к лучшему с занятием Эрзерума, где имеются громадные склады продовольственных припасов, превосходные казармы и госпитали. Смотря на дело даже только с этой точки и оставляя в стороне значение овладения Эрзерумом для исхода кампании, вопрос все же решается в пользу немедленной атаки города.

Говорят, укрепления Эрзерума сильны, солиднее карсских, что здесь более 50 тыс. населения чисто коммерческого, боящегося бомбардировки и штурма. Линия обороны Эрзерума длинна непомерно сравнительно с имеющимся в нем гарнизоном (от 15 тыс. до 18 тыс.) Овладение фортом Адидис 28 числа двумя батальонами доказывает, что турецкие укрепления вокруг города не неприступны и что решительная на них атака может увенчаться успехом.

Таким образом, при искусном скомбинировании предприятия соответственными силами, внезапная атака Эрзерума обещает не меньший успех, чем в Карсе. Но с уходом Эриванского отряда здешних сил недостаточно для этого дела, посему в случае если будет решено приступить к делу теперь же, необходимо двинуть сюда ли прямо или же через Ольгу на Гинсерк одну дивизию.

Но, предварительно, следует подвести к тылу войск необходимое как в продовольственном, так и в прочих отношениях, дабы не повторилась дава-бойнинская история, где войска оставались буквально голодными и раненые по несколько дней не перевязанными.

Во всем случае мне кажется, что оставлять свободною дорогу на Трапезунд в течение всей зимы едва ли для нас выгодно.

Я не знаю окрестностей Эрзерума и потому решительных мнений высказывать не решаюсь. Мне известно одно только, что оперируя вокруг этой крепости, мы положительно можем оставить опасения за какого бы то ни было рода активные предприятия со стороны неприятеля.

ля, который помимо полной деморализации лишен совершенно полевой артиллерии.

К Вашему приезду я надеюсь обогатиться новыми сведениями. Но приезд Ваш сюда я признаю положительно необходимым во всех отношениях.

Простите за смелость, Михаил Тариелович, но не могу удержаться от того, чтобы не повторить то, что неоднократно высказывал: теперь больше, чем когда-либо я убежден в необходимости передачи здешних войск в более достойные руки. Верьте, что Гейман погубит свой отряд вследствие своей бездарности и полного непонимания изнанковой стороны войны. Ненависть к нему войск, начальников частей переходит пределы терпимости! Примите хоть на этот раз мое мнение снисходительно, удалите каким желаете способом этого искусственно созданного героя от самостоятельной роли, для которой он не создан природой. Как самый преданный Вам человек, как брат, я советую это, Гейман уже много наделал зла в эту войну, опасаясь худшего. Знайте и то, Михаил Тариелович, что Вас в один голос упрекают все за поддержку человека недостойного, генерала бесталанного, всеми одинаково презираемого.

Кажется, я чересчур расписался после долгой паузы, потому закончу свое бесконечное послание выражением восторга своего по поводу взятия Карса! Краткие сведения получил только что от Гурчина, победа поразительная! Слава великому Богу, что все расчеты сбылись!

Преданный Вам бесконечно, с глубочайшим почтением

Б. Шелковников

P. S. Размещение здесь скверное, удобств никаких, нужда во всем.

№ 21

Б. Шелковников – М. Лорис-Меликову

Ноябрь 1877 г.

Иван Егорович (генерал-майор Лорис-Меликов. – Г. А.) вернулся. Сведения, привезенные им, весьма благоприятны: в Хнысском округе запасов очень много, завтра посылаю туда Туманова, чтобы все направить в Гасан-Кале на вьюках.

Каймакамы и курдинские старшины прибыли. Дела идут мирно и мы общаемся как следует. Подробности после.

Из Эрзерумской равнины также получили хорошие хабары (вести – Г. А.), запасов в тамошних деревнях много. Из Тортума еще нет известий, так как петандер туда еще не добрался.

Я сильно рассчитываю, что Эрзерум сдастся без боя, в городе запасов совершенно мало, пшеницы хотя и имеется, но ее есть долго невозможно. Есть слухи, что Мухтар разрешит сдать город после непродолжительного сопротивления.

Кажется, Вы не сделаете ошибки, если к Новому году переберетесь сюда.

Тороплюсь кончить, почта ждет только моего письма.

У меня совершенно нет подарков, кроме 3-х ценных, которые берегу (перстень, табакерка и кинжал); все, что есть – сегодня раздам. Необходимо выслать скорее, потому что слышал о намерении прочих родоначальников прибыть ко мне.

Лабунский и Гейман поладили, а со мною нет. Мушир совсем приятель.

Голубочайше преданный
Б. Шелковников

P. S. Простите, что пишу наскоро и небрежно; не желая оставлять Вас в неизвестности, набросал эти строки.

Муш надо занять *как можно поспешнее*. Туда возить не надо ничего, полное изобилие во всем, начиная с водки.

№ 22

Б. Шелковников – М. Лорис-Меликову

Декабрь 1877 г.
Секретно

На мой взгляд дела начинают принимать пикантный характер, поэтому Вам, глубокоуважаемый Михаил Тариелович, если и не необходимо немедленно выехать сюда, то по малой мере, следует быть готовым к этому постоянно.

Гейман собирается сам перебраться в Гинсерк; он видимо хочет занять город без Вас и потому предвидеть всех неожиданностей невозможно.

Передвижение войск и занятие ими назначенных пунктов окончится вероятно около Рождества. По моему мнению Вам к этому времени надо быть здесь.

Искренне Вам преданный
Б. Шелковников

На обороте

Прошу подписать и приказать отправить прилагаемую депешу... по моему вызову мною лиц.

Простите, что сведений о подарках еще не выслал Вам, забыл; да и не мудрено — голова кругом ходит.

Если завяжутся горячие отношения с курдами, то подарков понадобится много.

Б. Ш.

№ 23

Б. Шелковников — М. Лорис-Меликову

13 декабря 1877 г.

Гасан-Кала

Глубокоуважаемый Михаил Тариелович !

Все покуда хорошо. Более же всего радует меня то, что столбы для телеграфа уже готовы. Если пришлете достаточно чиновников, то к Новому году линия наша открывается. Для копки ям найму жителей, этим ускорится дело значительно.

Из записки № 2 усмотрите ход заготовлений по довольствию войск. Прошу очень о немедленном вызове Тигранова; находится он при моем брате. Он будет в высшей степени полезен для дела и мне необходим.

Выхожу с представлением об открытии 6го округа; без этого нельзя. Прошу приказать разрешить это дело скорее. Мы все сидим без денег, а потому необходимо также экстренное разрешение всех для нас кредитов в здешней кассе. Без этого денег не дают. Я рассчитываю дня через 3 выехать по тракту до Сырбосана, необходимо разгромить публику, а то бесчинствуют невообразимо. Сегодня получил донесение на этот счет от Тучкова. Узнал, что продельвают войска с населением. Завтра сделаются необходимые распоряжения как мною, так и Гейманом для прекращения беспорядков.

Здесь полное движение войск, так как Гейман вопреки дислокации и решений, принятых здесь в Вашу бытность, занял Гинсеки раньше, то произошел некоторый переполох, так, например, Эриванский полк в Ардыст, а Тифлисский опять к Дава-Бойну... Ну, это меня не касается.

Я слышал, что брата моего предполагают в помощники к Понке. Душевно рад этому назначению, которое, конечно, много лучше должности колонновожатого.

Умоляю Вас, Михаил Тариелович, ускорить дело перевода приказа на Кара-Курме. Для этого следует только дать лишний батальон от ближайшего гренадерского полка и тогда все устроится к новому году. Стоит только приналечь.

А уж смотрины устрою на славу. По старому тракту ничего отсылать не буду. Стоит ли хлопотать из-за нескольких дней.

Дела Лабунского с Гейманом идут ладно покуда. Поглядим, что будет дальше. Он понравился нашему герою.

Политических телеграмм мне вы не шлете.

Пишу Сильвестричу, чтобы не обижал меня. Он получает, а я нет. Какой же он приятель?

О довольствии войск не беспокойтесь. В случае надобности, когда здесь все сведется, заставлю жителей сделать один рейс в Карс и это сделает во всем громадную разницу, так как наберется несколько тысяч ароб.

Душевно Вам преданный и готовый к услугам Вам
Б. Шелковников

№ 24

Б. Шелковников — М. Лорис-Меликову

17 декабря 1877 г.

Час тому назад получил прилагаемое письмо; в нем последние сведения из Эрзерума. Из них усмотрите положение дел, получающих и каждым часом более острый характер. Потандер также пишет мне из Улудуша, что занятие Эрзерума вопрос нескольких дней, ибо турки тянутся непрерывно к Кон-дагу.

Итак, если дела позволяют, то не медлите приехать.

Необходимо *немедленно же* войска, находящиеся в Алашкерте, двинуть на Муш. Это движение имеет громадное значение — медлить нельзя ни одним днем.

На Эрзерумскую долину войска движутся непрерывно; дислокация совершенно изменилась.

20го числа Гейман едет в Улудуш. Покушений на Эрзерум он ни в каком случае не сделает, за это можете быть покойны. Но об занятии Илиджи мечтает. Если обстоятельства позволят это сделать, то будет недурно; но тут необходима крайняя осторожность, чтобы не подвергнуться нападению со стороны Кон-дага, что возможно. Об этом я говорил с Гейманом и предупредил его. Предварительно движению на Илиджу, по моему мнению, нужно основательно ознакомиться с расположением турок от Илиджи к Кон-дагу.

Курдов отправляю завтра, а кавалерия в Хныс выступит 19го; хотя там никого нет, но все же вполне можно успокоиться там только по занятии Муша; оставлять же Хныс незанятым невозможно, так как там громадные запасы всего.

Пишу второпях, извините за непоследовательность.

Прибыл сейчас Толстой. Я пишу Вам каждый день с тех пор, как явился приличный материал.

Глубоко Вам преданный
Б. Шелковников